

Vk.com/antitopor

Вадим АРУТЮНОВ,
автор и ведущий рубрики
«Антитопор»

Годы, когда Дана Мазалова возглавляла корпункты чехословацких СМИ в СССР, выпали на развал этого гиганта. Это были сложные времена и для журналистов. Постоянные поездки по трещавшему по швам Советскому Союзу не давали передышки ни днем, ни ночью.

Наша справка

Дана Мазалова, юрист, журналист
Родилась 18 ноября 1954 г. в городе Свитавы (Чехословакия)
Кроме родного чешского, владеет русским, словацким, английским языками
1982-1988 гг. – журналист газеты «Mlada fronta dnes»
1988-1991 гг. – собкор чехословацкой газеты «Prostor» в СССР
1991-1995 гг. – собкор Первого канала телевидения Чехии в России
1993 г. – лауреат чешской телевизионной премии «Křerelka» за освещение событий в Нагорном Карабахе
Автор репортажей из горячих точек Грузии, Киргизии, Узбекистана и Азербайджана, а также документального фильма «Страна под Араратом» о землетрясении в Армении.

ПРАВДА ХОДЖАЛЫ ДОЛЖНА ВОСТОРЖЕСТВОВАТЬ

События разворачивались одно за другим – землетрясение в Армении, братоубийственная гражданская война в Грузии, изгнания турок-месхетинцев в Фергане (Узбекистан), события в Оше (Киргизия), Карабахская война... Репортажи Даны Мазаловой, как и сотен ее коллег из других стран, напоминали боевые сводки. Что, по сути, так и было. Коллеги-журналисты делились отснятыми материалами, так как невозможно было оказываться одновременно по всему Союзу, а позже и по распавшимся частям бывшего СССР. В начале 90-х Дана Мазалова только и успевала ездить по Закавказью, чтобы снять материалы то с азербайджанской стороны, то с армянской. Среди журналистского корпуса обеих республик появились и друзья. И одним из таких друзей был Чингиз Мустафаев – небезызвестный азербайджанский репортер, первым сделавший кадры убитых мирных ходжалинцев. Его кадры до сих пор будоражат психику, а сам журналист, как и полагал, поглотивший жизнью за них. О событиях в Ходжалы, Чингизе Мустафаеве и многом другом – интервью Мазаловой с первым президентом Азербайджана Аязом Муталибовым в беседе нашего спецкора Вадима Арутюнова с Даной Мазаловой, с которой он недавно встретился в Праге.

– **Пане Мазалова, когда вы впервые оказались в Армении?**

– Это было в начале 80-х, задолго до того, как разгорелся армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха. А всему виной лауреат Нобелевской премии по литературе Эрнест Хемингуэй и его книга «Фиеста». В ней мужики пьют вино из кожаных мешков. Я очень хотела увидеть такое в жизни. Решили с подругой поехать в Испанию. Но не тут-то было. Это была капиталистическая страна и нас туда не выпустили. Тогда мой коллега из газеты «Mlada fronta dnes» как раз вернулся из Советского Союза и спросил у меня: «Хочешь свободно двигаться по СССР?». Я ответила утвердительно. Тогда мы вместе поехали в тургентство, выбрала себе тур в Армянскую ССР. Иллюстрация повлияла. Там были изображены люди, похожие на пер-

сонажей Хемингуэя, сидящие под виноградником и пьющие вино. Именно такими я и представляла себе героев «Фиесты». Так и променяла Испанию на Армению. Для меня тогда не было разницы. Ведь лица и темперамент очень похожи. И вот, в 1983 году, в составе чехословацких туристов я впервые оказалась в Ереване, Ленинкане, Эчмиадзине, Араратской долине... Это было незабываемое путешествие... Второй раз я оказалась в Армении, уже будучи корреспондентом газеты «Prostor». Я была аккредитована в СССР со штаб-квартирой в Москве. Прибыла в Ленинакан восьмого декабря 1988 г. На следующий день после сильного землетрясения. Делала репортаж с места события. Ленинанкан уже был не тот город, что я видела несколько лет назад: руины, пыль, стоны, плач, гробы... Жуткое зрелище. И сейчас страшно вспоминать.

– **Как вы оказались в эпицентре Карабахских событий?**

– В 1988 году начались убийства армян в Сумгаите. В это время я находилась в Праге. Чехословацкие СМИ расспрашивали о происходящем в Сумгаите, но я не считала нужным выезжать в СССР, так как на месте работало уже несколько наших репортеров. Теперь сожалею об этом. Зато весной 1989 года я находилась в Москве. В это время начались Ферганские события. Я отправилась в Узбекистан и

застала Ферганскую резню турок-месхетинцев. Увиденное шокировало меня: всюду лежали трупы молодых мужчин. Было не разобрать где турки, а где узбеки. Ведь турки защищались от узбеков, поэтому было немало убитых и среди узбеков. Некоторым туркам я сама помогла, чем смогла – провиантом, укрытием. Чем может помочь иностранный журналист?! В Узбекистане стали выселять турок-месхетинцев. Тысячи стариков, женщин, детей бежали в соседние республики, но большая часть под охраной советских войск находилась на вокзале и аэропорту для их дальнейшей транспортировки. Это были беженцы. Турки хотели вернуться на историческую родину – в Грузию, Месхетию. Откуда их предков ранее депортировали. Однако первый секретарь Грузинской ССР Гиви Гумбаридзе, а позже и Звиад Гамсахурдия, отказали предоставлять убежище туркам-месхетинцам в Грузии... Примерно в эти же годы я оказалась снова в Армении. Но не сразу. Изначально я добиралась в Карабах из Баку. Самолетом. Мы прилетели в аэропорт Степанакерта, находившийся в Ходжалы. Там нас встречал директор аэропорта и КГБэшник Гаджиев. Это было начало 90-х. Встретил радушно. С накрытыми столами. Надо отдать должное, азербайджанцы умеют это делать. Особенно если касается иностранных представителей. Однажды, когда он в очередной раз накрыл стол иностранным журналистам, напился коньяка, – кстати, армянского, – потерял

голову и стал нести все, что на язык попадало. Это было в Шуше. Забыл о том, в кругу каких людей он находится, Гаджиев смачно рассказывал о вкусе армянской крови, о том, как они уничтожали армян в карабахских деревнях... Шел дождь. Я знала, что армяне его когда-нибудь убьют. Я сидела в его компании и молилась только об одном – чтобы это не случилось в эти минуты... Вскоре Виктор Поляничко, руководивший оргкомитетом по Нагорному Карабаху, «перекрыл кислород» прессе и запретил въезд СМИ в Степанакерт. Только позже стало известно, для чего он это сделал. Поляничко, вместо того, чтобы быть нейтральным, занимал крайне проазербайджанскую позицию и был одним из руководителей операции «Кольцо», которая провела этническую чистку, превратившуюся в агрессию и депортацию ряда армянских гражданских поселений Карабаха. И нужно было сделать это втайне от прессы. Тем более, иностранной.

– **Как же вам тогда удавалось пробираться в Карабах?**

– Было много разных способов. Не обязательно самолетом. Мы, вкуче с азербайджанскими журналистами, находили разные лазейки... А когда армянская сторона прорвала Лачинский коридор, я уже стала независимой от Баку. Могла ездить в Карабах из Еревана. Это было ужасно. С одной стороны – крохотный Карабах, в котором работают и армянские, и азербайджанские журналисты на разных баррикадах. Но нам, иностранцам, нужно было освещать два фронта. Приходилось выезжать из Карабаха через Ереван в Москву, чтобы оттуда прилететь в Баку и снова в Карабах, уже подконтрольный азербайджанцам. Тысячи километров из Карабаха в Карабах. Представляете? К концу марта 91-го, когда уже и все дыры в Карабах были залатаны, а операция «Кольцо» окончательно приняла свою гнусную форму по уничтожению армянского населения Карабаха, да так, что в этот край уже невозможно было пробраться ниоткуда. На месте руководил, как я уже говорила, Поляничко и советская армия, занявшие с подкаской Кремля проазербайджанскую позицию. Были и мародеры. Один русский офицер дождался разрешения,

чтобы ему в награду за какие-то заслуги разрешили увезти из Карабаха автомобиль «Волга», принадлежащий какому-то армянину. А вообще там шла большая торговля. Торговали всем армянским имуществом и торговали все. Включая советских офицеров... Примерно в это же время меня вызвали в Прагу, т. к. и Чехословакия стал грозить распад на Чехию и Словакию. Но, слава Богу, мы расставались со словаками постепенно, мирно, без жертв и насилия... И так, находясь в Праге, с несколькими армянскими и азербайджанскими коллегами я поддерживала связь и узнавала новости от них. Следующий мой приезд в Азербайджан состоялся в начале марта 1992-го года. И это был самый страшный визит.

– **Чем он вам запомнился?**

– Сначала я должна сказать, что предшествовало этому аду и, забегая вперед, еще раз напомню о тех несчастных турках-месхетинцах, которых убивали в Узбекистане и которых не приняло тогда грузинское руководство. Зато часть турецких беженцев принял Аяз Муталибов – азербайджанский руководитель. Для них были построены домики близ аэропорта Ходжалы. Там их и заселили. Так вот... Как известно, операцией «Кольцо» был полностью лишен транспортных артерий Карабах. Армяне Карабаха были лишены связи с внешним миром. Не поступали и продукты питания. Единственный в Карабахе аэропорт в Ходжалы закрыт и находился под контролем азербайджанцев. Армянская сторона предупредила азербайджанскую сторону, что будут брать Ходжалы, дабы освободить аэропорт. Были даны три дня, чтобы эвакуировать жителей. Не знаю, была ли эвакуация или нет, но мирные жители-ходжалинцы были убиты. И не в селе Ходжалы, а близ Агдама, который в то время контролировала азербайджанская сторона. И вот, находясь в Баку, я встретилась с Чингизом Мустафаевым, который снимал убитых...

– **Вы были до этого знакомы с Мустафаевым?**

– Да. Конечно. Мы дружили. Познакомились в 90-91 гг. в Кисловодске, где мы находились на конференции. Затем вместе часто выезжали со стороны Баку к карабахским позициям... Так вот, у Чингиза были глаза квадратные, когда он показывал мне снимки.

Продолжение на стр. 4